

ТУЛЬСКИЙ ДЕТЕКТИВ II

Буцефал и скопцы

Роман Елиава

Тульский детектив

Роман Елиава

Тульский детектив
II. Буцефал и скопцы

«Автор»

2024

Елиава Р.

Тульский детектив П. Буцефал и скопцы / Р. Елиава — «Автор»,
2024 — (Тульский детектив)

Идёт 1883 год, в Москве открывается Храм Христа Спасителя, под Парижем умирает больной Тургенев. В Туле совершено двойное убийство, а за городом таинственным образом из конюшни исчезает фаворит скачек. Работу тульской полиции осложняет появившаяся в городе секта. Продолжение "Тульского детектива".

© Елиава Р., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1	5
2.	9
3.	13
4.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Роман Елиава

Тульский детектив П. Буцефал и скопцы

1

Трегубов, молодой урядник, недавно принятый на службу в тульскую полицию, в задумчивости вошёл в здание своего управления. В этой задумчивости он пребывал уже долго – на протяжении всего пути от вокзала до полиции. Один раз даже с трудом увернулся от конки, заметив её в последний момент. Вслед уряднику понеслись проклятия, но он даже не обратил на них внимание. Конечно, на вокзале ему показали место, где крепился паровой колпак на паровозе, но, не будучи инженером, Иван не понимал, как можно было быстро и тайно демонтировать столь значительную и, наверное, очень тяжелую деталь паровоза. Во-вторых, как для полицейского чина, ему был непонятен сам резон такого поступка. Молодой полицейский мог понять похищение часов из кармана или же кошелька с банкнотами казначейства. Но паровой колпак! Зачем? И главное – как?!

– Петрович здесь? – спросил он писаря Белошейкина, занятого перебором каких-то листов, исписанных его же красивым почерком.

Писарь некоторое время продолжал переводить взгляд с листа в правой руке на лист в левой, отыскивая там что-то одному ему ведомое и не отвечая на вопрос Ивана. Затем удовлетворённо хмыкнул, отложив один из них на стол перед собой, а второй – кинув поверх большой стопки.

– Нет, – ответил Белошейкин, бросив взгляд поверх очков на урядника, – с утра ещё не приходил.

– Ладно, тогда подожду его здесь. Раз его ещё не было, должно быть, задержался у начальства, – пробормотал Иван себе под нос, присаживаясь рядом с писарем.

– Что, Иванушка, не весел, что головушку повесил? – заговорил стихами Ершова Белошейкин, продолжая разбирать свои бумаги.

– Какое-то очень странное хищение на вокзале, – ответил Иван, слегка обрадовавшись, что нашёл человека, которому можно излить душу. – Думаю, что будет очень сложное дело. Крадут то обычно что-то мелкое, что легко украсть и легко спрятать, или что легко продать.

– Неужто кто паровоз угнал? – писарь прекратил шуршать бумагами и заинтересованно уставился на Ивана.

– Не паровоз, – смутился молодой урядник, – но очень важную деталь от него украли.

– Дай угадаю, – подошел к ним урядник Семёнов. Он демонстративно собрал на лбу несколько морщин и закатил глаза, – это, это... паровозный гудок!

– Не угадал, – ответил Трегубов. – Паровой колпак.

– Ничего себе! – поразился Семёнов и уже хотел что-то добавить, но тут открылась дверь и показалась грузная фигура пятидесятилетнего Столбова. За ним в дверях маячил городской. Пристав мгновенно оценил обстановку и наличие людей в управлении. Определив, кто был занят делом, а кто нет, он отдал приказ:

– Так, Семёнов и Трегубов, быстро со мной, на Грязевской двойное убийство!

Это была скорее изба с надстройкой вокруг печи, чем двухэтажный дом. Бревна сруба почернели от старости, а сама конструкция покосилась. Резьба, некогда обрамлявшая окна, местами потрескалась, местами просто отвалилась. Перекошенный забор давно не красили, а петли калитки проржавели до состояния пыли. Вдоль забора, как с одной, так и с другой стороны, росла дикая трава. Дом с темными окнами производил тягостное впечатление, которое

усиливалось за счёт отсутствия в этот день солнца. Погода была пасмурная и облачная, началась осень.

Странно было видеть такое обветшалое строение совсем недалеко от современной кирпичной фабрики по производству самоваров Баташева. Та просто блистала чистотой и новой краской.

– Их обнаружила девка, которая приходит убирать дом, – пояснил городской по дороге.

Трегубов напряг память и вспомнил, что они уже раз встречались. Кажется, фамилия городского была Антонов, имя – отчества он не помнил. Это был мужчина в годах, возможно, даже старше Столбова. Его рука то нервно сжимала, то разжимала рукоять шашки, а мундир был помятым и нуждался в стирке.

– Супостатов уже, наверное, след простыл, но, как говорится, береженого Бог бережет, – продолжал городской, доставая револьвер.

Семенов и Трегубов, не сговариваясь, последовали его примеру. Столбов толкнул деревянную калитку из отсыревших от дождей серых досок. Калитка раскрылась с неприятным скрипом, ударилась о забор, слегка отскочила от него, да так и осталась в открытом положении.

Урядники переглянулись и медленно прошли во двор. Протопанная до крыльца тропинка была единственным доказательством того, что дом был жилой. Следом во двор проследовали Столбов и Антонов. Иван медленно поднялся по сгнившим ступеням крыльца, которые опасно прогибались и скрипели под его весом.

– Не заперто, – сказал урядник, увидев, что дверь приоткрыта.

– Семенов, обойди на всякий случай, – приказал Илья Петрович. – Трегубов, заходим.

Подождав пока Семенов скроется за углом, Иван осторожно начал открывать дверь одной рукой, держа в другой наготове револьвер. Дверь открылась, урядник сделал шаг в темноту, остальные полицейские последовали за ним.

Иван прошел небольшие сени и оказался в большой комнате, которая занимала практически весь первый этаж. В помещении было три окна: два впереди, с видом на задний двор, одно слева. Справа была печь и крутая деревянная лестница на второй этаж. Сама комната была практически пуста, только вдоль стен тянулись стулья и лавки. На стенах деревянные полки чередовались с иконами, на полках стояли подгоревшие свечи. В углу виднелся деревянный крест на подставке.

Но, в первую очередь, вошедшим бросилось в глаза тело. Оно лежало в центре комнаты навзничь, раскинув руки и ноги в разные стороны. Иван сделал два шага вперед, чтобы разглядеть в тусклом свете, проникающем через небольшие окна, кто это мог быть. Глаза женщины, лет тридцати или сорока, остекленели и незряче смотрели прямо на одну из икон, висящих на стене. Рот остался раскрытым в немом крике. На животе и груди через сарафан были видны засохшие черные раны. Само тело лежало в огромной луже уже свернувшейся крови. Трегубов обратил внимание, что руки женщины сжаты в кулаки, словно она пыталась собраться с силами во время своего последнего крика, застывшего маской боли на ее лице.

От трупа в центре – а то, что это был труп, ни у кого не оставалось сомнений – тянулась кровавая полоса. Полицейские проследили взглядом и обнаружили второе тело в темном углу у лестницы.

– Антонов, зажги фонарь или свечу, не видно же ни черта! – приказал Столбов, и Иван уловил признаки волнения в этом возгласе, казалось бы, уже привыкшего ко всему человека.

Городовой подошёл к стене, где взял одну из свечей, что была поцелее, и зажег её. Не то что стало бы намного светлее, но темный угол уже просматривался лучше.

– Она ползла, – сказал Иван, – а убийца, кто бы он ни был, продолжал наносить удары ножом.

Колени второй жертвы были подогнуты, а руки лежали на первой ступени лестницы. Это тоже была женщина, внешне очень похожая на первую. На её спине виднелись засохшие раны, а из лопатки торчал нож.

– Самодельный, – заявил городской, нагнувшись над жертвой и поднимая над ней свечку.

Он потрогал деревянную рукоять, а затем попытался потянуть нож двумя пальцами. Нож не сдвинулся с места.

– Застрял? – спросил пристав.

– Да, – ответил Антонов, нагибаясь и пристальнее рассматривая нож, – застрял в кости, может, в лопатке. Поэтому убийца и не забрал его, видать, торопился. Могу ошибиться, но нож сделан из каретной рессоры.

– С этим ещё успеем разобраться, – сказал Столбов и обернулся на шаги.

– Никого вокруг нет, – заявил вошедший Семенов, опустил глаза, снял фуражку и перекрестился. – Матерь божья! Кто ж её так?

После этого он перевел взгляд на городского и заметил ещё один труп.

– Спасти пытались, – повторил он догадку Трегубова.

– Скорее всего, – подтвердил Илья Петрович. – Так, Семенов... хотя нет, не ты. Трегубов, доставай бумагу и всё описывай. Семенов, оставайся здесь, а мы на второй этаж. Антонов, свети!

Полицейские взобрались по крутой и скрипучей лестнице на второй этаж. Очевидно, что второй этаж был пристроен позже, чем построен сруб. Обстановка тоже была совсем небогатая. Две старых то ли кровати, то ли лавки, сделанные из дерева, стояли у печной трубы с двух сторон. Матрасы, одеяла и другие элементы постели валялись, разбросанные на деревянном полу. Кроме них были какие то обрывки бумаг, а также коробки, раскрытые и помятые. В углу стоял комод, – оба ящика были вынуты и валялись рядом. Полки, где также стояли свечи, хранили следы активного обыска.

– Интересно, он нашел, что искал? – задал вопрос Антонов.

– Или они, – оглядываясь, произнес Трегубов.

– Похоже на ограбление, – заявил городской. – Залезли воры ночью, хозяева проснулись – их зарезали.

– Вечером, а не ночью, – поправил Трегубов.

– Почему вечером? – удивился Антонов.

– Обе жертвы опрятно одеты, а не наспех, как если бы спросонья, – пояснил Иван.

– Ты прав, Трегубов, – согласился пристав. – Кроме того, обратите внимание, что входная дверь и окна целы. Стало быть, наш убийца или убийцы и жертвы могли знать друг друга.

– То есть сами впустили? – спросил Антонов.

– Пока похоже, что так, – ответил Столбов.

– Тогда мы их быстро найдём, – предположил Иван.

– Не уверен, – Илья Петрович покачал головой, – это может быть как сосед, так и случайный знакомый. А как нам определить их полный список, если кроме жертв никто здесь больше не жил, я пока не представляю.

Иван прошелся вдоль стен, разглядывая вещи под ногами. Он подвигал тряпки сапогами, поскольку руки были заняты письменными принадлежностями.

– Не похоже, что убитые были богатыми. Может, это и не знакомый, а кто случайный, на авось, – сделал ещё одно предположение урядник.

– Может и так, – Илья Петрович тоже осмотрелся по сторонам, – только мне кажется, что искали что-то конкретное. Очень уж тщательно перевернули все вверх дном в таком действительно небогатом доме.

– Да и женщин сразу убили, – заметил Антонов. – Похоже, что он сначала их убил, а потом начал уже искать. Мог ведь и допытывать, но не похоже на это.

– Вот именно! Но нам предстоит всё осмотреть ещё раз. Вдруг преступник что-то пропустил.

Полицейские приступили к тщательному осмотру, а Иван документировал все находки. Однако ничего интересного они так и не нашли. Ни документов, ни денег. Это подтверждало версию ограбления.

– Антонов, девка, та что здесь убирается, тебе что-то конкретное говорила о хозяевах? – спросил Столбов.

– Никак нет, напугана была сильно, да кто б тут не напугался.

– Ты имя и адрес взял у неё?

– Обижаете, Илья Петрович!

– Тогда завтра с утра доставишь её в полицию для снятия показаний, раз знаешь адрес. Сегодня уже поздно, и вряд ли мы ещё что-то найдем. Трегубов, организуй вывоз тел, а Семенов пока здесь подежурит.

2.

На следующее утро, когда Столбов зашёл в полицию, он с удивлением увидел, как навстречу ему поднимается земский врач Александр Францевич Рар. Доктор был примерно ровесником пристава, и имел очень респектабельный вид в своем дорогом костюме и блестящих ботинках. В его излучающей благополучие внешности прежде всего выделялись большие ухоженные бакенбарды. Они были практически полностью седые, в отличие от волос на голове.

– Здравствуйте, Александр Францевич, – любезно поздоровался пристав, вспомнив, что их последняя встреча не носила любезного характера, поскольку доктор был одним из подозреваемых, если не в убийстве, то в соучастии. – Чем обязан?

– Ах, Илья Петрович, я тоже рад Вас приветствовать, – ответил доктор, как будто и не помня давешнюю размолвку. – У меня к Вам дело.

Доктор замолчал и оглянулся вокруг, как бы давая понять, что это дело деликатного свойства и не предназначено для ушей окружающих полицейских.

– Ну, что же, тогда милости просим ко мне, – Столбов жестом пригласил Рара к себе в кабинет.

Сам кабинет был небольшим и скудно обставленным: заваленный бумагами стол с двумя стульями с противоположных от него сторон, шкаф, также содержащий бумаги, вешалка для верхней одежды – вот и вся нехитрая обстановка. Располагался он в небольшом деревянном двухэтажном здании, одном из четырёх, принадлежащих тульскому управлению полиции.

Пристав уселся за стол, жестом приглашая доктора последовать его примеру.

– Какой ужас! – начал доктор, – кто бы мог подумать, что Людмила Павловна отравила Алексея и пыталась отравить дочку Мглевского, чтобы расстроить её свадьбу с сыном Алексея. Прямо шекспировские страсти в нашей губернии!

Земский врач покачал головой, а пристав смотрел на него и ждал продолжения, – не театральные же страсти пришел обсуждать с ним доктор.

–

Скоро будет суд. Меня, как свидетеля, вызывает прокуратура. Да – с, – погрузился в недавние воспоминания доктор.

– Но Вы пришли сюда по другому поводу? – прервал нависшую паузу Столбов.

– Да, не поэтому. Очень жаль, что с Михаилом приключилась такая история, жаль молодого Торотынского, но жизнь идёт дальше. Я, собственно, заехал за Вами по поручению. Снаружи нас ждет извозчик.

– Куда же мы поедем? – удивился пристав.

– Тут недалеко, – ответил доктор, – можно было бы и пройтись, но я знаю, что у вас мало времени.

– Александр Францевич, извините, но у меня его настолько мало, что я не могу с Вами сейчас кататься по городу. Поверьте, мне очень приятно Ваше общество, и если Вам что-то нужно, то вечером...

– Илья Петрович, простите что перебиваю Вас, но с Вами хочет встретиться человек тоже очень занятой. Это не займёт много времени, и я быстро верну Вас назад к службе.

– Кто же это?

– Свечин Фёдор Александрович.

– Предводитель дворянства? Зачем я ему понадобился? – удивился пристав.

– Знаете, Илья Петрович, мы с Фёдором Александровичем – заядлые охотники, а он даже небезуспешно пишет литературные очерки этой тематики.

– Конечно, я это помню.

– Так вот, он недавно спросил, знаю ли я кого-то из полицейских чинов, кто мог бы, так сказать, без лишнего шума разобраться с таинственным происшествием. Мы с Вами нехорошо расстались в прошлый раз, но я понимаю, что такая у Вас служба, поэтому взял на себя смелость рекомендовать Вас, зная о Ваших успехах в таких делах.

– Что же случилось? – поинтересовался Илья Петрович.

– Фёдор Александрович не раскрыл мне подробностей, – сказал Рар и вопросительно посмотрел на Столбова.

– Хорошо, – решил пристав, – едем, Александр Францевич, в дворянское собрание, я полагаю?

– Да, – подтвердил доктор, вставая.

Выйдя из кабинета, Столбов увидел Антонова, рядом с которым стояла, потупив глаза, девочка лет тринадцати или четырнадцати, скромно одетая в серый сарафан и серый платок на голове.

– Я уезжаю ненадолго, – сказал городовому пристав. – Чтобы не терять времени, дождись, пожалуйста, Трегубова, и пусть он проведёт опрос.

Дом дворянского собрания находился на пересечении Верхне-Дворянской и Киевской улиц. Это было красивое трехэтажное здание в центральной его части и двухэтажными крыльями по бокам, к окончательному облику которого поочередно приложили своё искусство два архитектора: Федосеев и Иванов. Когда доктор и пристав вошли, то увидели, что Свечин уже торопливо спускался по лестнице. Это был сухощавый мужчина с большой залысиной на лбу и окладистой, слегка торчавшей вперед бородой.

– Ах, Александр Францевич, – остановился предводитель губернского дворянства, а с этого года ещё и действительный статский советник, – хотел бы пожелать Вам доброго дня, но не могу.

– Почему же? – удивился доктор.

– Вы, верно, ещё не слышали, – Свечин остановился напротив Столбова и Рара. – День поистине чёрный. Такая утрата для страны, для мирового литературного общества! В Париже скончался мой учитель, пример для творчества, Иван Сергеевич.

– Тургенев?! – воскликнул доктор. – Не может быть! Вы уверены?

– Абсолютно уверен, – печально произнёс Свечин.

– Это ужасно! Но почему? От чего?

– Пока сие достоверно неизвестно, – Свечин перевёл взгляд на Столбова. – А это?..

– Илья Петрович Столбов, пристав, о котором я Вам говорил.

– Илья Петрович, рад нашему знакомству. Я уже уходил, но могу задержаться на несколько минут. Был бы Вам обязан, если бы Вы мне оказали профессиональную помощь.

– Конечно, Фёдор Александрович, о чём речь? – спросил Столбов.

– Тогда пройдёте в библиотеку. Вы подождете десять минут, доктор?

– Конечно, конечно, – заверил Свечина Рар.

Пристав и действительный статский советник поднялись в библиотеку. Свечин предложил Столбову сесть, а сам подошел к окну, посмотрел в него, затем резко развернулся лицом к полицейскому и заговорил:

– Знаете, произошел досадный и странный случай, за который я чувствую некоторую ответственность.

– Я во внимании, – Столбов показал свою заинтересованность.

– Я, знаете ли, развожу лошадей, – начал Свечин.

– Наслышан, – коротко подтвердил Столбов.

– В прошлом году мои лошади получили призы на Всероссийской выставке. Одна была особенно хороша. Жеребец Буцефал. Такие кони – мечта любого заводчика. И вот недавно у меня его выпросил мой давний друг, Минин Дмитрий Львович. Честно скажу, я не хотел отда-

вать Буцефала. Но он целый год меня уговаривал: мол, зачем тебе такой конь, а я на скачках возьму с ним призы... Скачки – это его увлечение. Уговаривал, уговаривал и уговорил. Продал я ему Буцефала несколько дней назад, – Свечин замолчал, обдумывая дальнейшие слова.

Столбов тоже молчал, пребывая во внимании.

– Так вот, два дня назад конь исчез, – медленно произнес Фёдор Александрович.

– Украли? – спросил Столбов, справедливо полагая, что если бы конь просто сбежал, то к полицейскому бы не обратились.

– В том то и дело, что непонятно, – Свечин пристально посмотрел на Столбова, – как мне говорят, исчез из конюшни у всех на глазах. И исчез через несколько дней, после того, как Минин с трудом уговорил продать ему коня, даже денег не успел отдать за него. Получается, что сделка как бы не завершена. Но тут дело не в деньгах, а в двусмысленности происходящего и странности происшествия. Я хотел бы разобраться, что произошло. Как хотел бы и сам Дмитрий Львович. Знаю, что для полиции сей случай незначителен, поэтому я посоветовался, кто бы мне мог помочь разрешить его, и Александр Францевич порекомендовал Вас, как человека, который опытен, всегда достигает правды и при этом достаточно деликатен.

– Мне лестно, что господин доктор такого мнения обо мне, – отозвался Столбов. – Я понял, что Вы хотите. Чтобы я сначала разобрался в происшествии без составления протокола?

– Вы меня правильно поняли, – кивнул Свечин.

– Но если пропажа лошади не будет, скажем так, урегулирована каким-то образом среди заинтересованных лиц, а приобретёт все признаки обычного конокрадства, то я заведу полицейское дело?

– Совершенно верно.

– Ну, что же, договорились, Федор Александрович?

– Благодарю. Идёмте, а то я уже опаздываю. Я предупрежу Дмитрия Львовича о визите полиции.

Свечин попрощался и стремительно сбежал по лестнице. Столбов спустился гораздо медленнее, размышляя о ситуации с лошастью. Очевидно, что дело было не в деньгах, а сомнению подверглись дружеские отношения Минина и Свечина. Причём, как понимал это пристав, недоверие проросло с двух сторон. Причиной же стала сама загадочность происшествия. Интересно, что же произошло? «На это придётся потратить время», – вздохнул Столбов. А его то сейчас и не было. Столько работы, и ещё новые обязанности помощника... Всё это изматывало Илью Петровича. В который раз пристав подумал про себя, что становится стар для такой работы.

Доктора Столбов застал в экипаже, тот сидел и откровенно злобно пыхтел, читая газету.

– Что там такое приключилось? – спросил Столбов. – Ещё кто-то умер?

– Нет, но Бородин Александр Порфирьевич – знаете такого? – стал почетным членом медицинского общества!

– Вы же не завидуете? – спросил Столбов, усаживаясь в двухместную коляску рядом с земским врачом.

– Нет! Отдаю ему должное. Он, действительно, хороший врач и преподаватель, но таких сотни, если не тысячи вокруг! Вы же понимаете, что это потому, что он композитор! Вот и был бы в почёте в музыкальном сообществе!

– Ах, Александр Францевич, мне кажется, что настоящее признание – это не раздавание друг другу знаков почёта в медицинской среде, а выздоравливающие и благодарные пациенты у врачей, которые находятся на переднем крае борьбы с болезнями, как Вы, например.

– Вы правда так считаете? – задумчиво спросил доктор, заметно успокоившись после слов Столбова.

– Конечно. Мы приехали, позвольте откланяться.

– Как поговорили с Фёдором Александровичем?

– Нормально, но дел теперь только прибавилось, – честно признался пристав.

– Ну, Вы тоже на переднем крае, только на своём, куда деваться, – сказал доктор на прощанье.

«Вот именно: куда деваться», – подумал Столбов, возвращаясь к себе. Ни девочки, ни Антонова он уже не обнаружил.

– Так, Белошейкин и Трегубов, хватит точить лясы. Иван, ты взял показания у девочки?

Трегубов, не заметивший возвращения Столбова и по обыкновению коротающий ожидание с писарем, умевшим писать и одновременно поддерживать беседу, подскочил от неожиданности на стуле.

– Да, – отрапортовал он приставу, – только толку никакого.

– Что узнал? Коротко, нет времени читать.

– Ничего не знает. Напугана. Взяли её на работу пару дней назад. Второй раз всего пришла убраться, а тут такое.

– Кто убитые женщины, она сказала?

– Да, Петровы. Они сёстры: Серафима и Олимпиада.

– Серафима и Олимпиада, – хмыкнул пристав. – Ну, имена – уже кое-что. Чем занимались?

– Она не знает, говорит только, что очень набожные были.

– Это мы сами видели давеча – иконы, свечи, и даже крест.

– Илья Петрович! – в комнату, тяжело дыша, забежал высокий, худой и костлявый молодой мужчина.

– Филимонов, в чём дело, что случилось? – спросил Столбов молодого аптекаря, который подрабатывал вскрытиями для полиции.

– Эти две женщины, которых вчера привезли, – ответил он, переводя дыхание.

– Что с ними?

– Это же ужас какой!

3.

Столбов пригласил Филимонова и Трегубова к себе в кабинет. Иван захватил себе табуретку, поскольку аптекарь в качестве гостя занял единственный свободный стул.

– Трегубов, прикрой за собой дверь, нечего пока всем слышать про убийство, – попросил урядника пристав.

– Ну, не томи, что там у нас? – спросил Столбов сидящего напротив Филимонова.

Аптекарь, собираясь с мыслями, взъерошил рукой на голове копну жестких, тёмных, торчащих в разные стороны волос.

– Женщины то покалеченные оказались, Илья Петрович, – начал он.

– Что значит «покалеченные»? – не понял пристав. – Мы же были на месте преступления, ноги – руки у всех, вроде, на месте были. Или что-то произошло за ночь, чего я не знаю?

– Ноги и руки то на месте, а вот груди и... – Филимонов бросил быстрый взгляд на внимательно смотревшего Трегубова и сглотнул комок в горле, прежде чем продолжить, – грудь и другие женские органы отрезаны.

– Как так? – поразился Иван, уставившись на Филимонова. – Что за ужасы? Их что, пытали?!

– Нет, – ответил аптекарь. – Это было давно, на месте ран – зажившие ожоги. Раны прижигали.

– Скопцы, – медленно произнёс Столбов, уставившись в пространство. – Вот дела! У нас в Туле скопцы!

– Но разве скопцы – это не мужчины? – с недоумением спросил пристава Филимонов.

– Как видишь, нет, не только мужчины.

– Кто такие скопцы? – прервал своим вопросом диалог собеседников Иван.

Филимонов и Столбов одновременно посмотрели на Трегубова, как на блаженного.

– Я знаю значение этого слова, – смутился молодой урядник. – Но почему они во множественном числе, и как женщины могут быть скопцами? Илья Петрович, объясните, пожалуйста.

– Ваня, – тяжело вздохнул пристав, – скопцы – это секта. Вместо Господа нашего, – Столбов перекрестился, – поклоняются антихристу своему, Селиванову, который первым придумал отрезать самому себе своё, гм, хозяйство. Ты про хлыстов то слышал, небось?

– Конечно, слышал, в губернии община есть.

– Вот теперь, судя по всему, есть и община скопцов. Только, если хлысты погрязли в распущенности и разврате, то скопцы, или как они себя называют «обеленные», или «голуби», наоборот, отвергают плотские утехы и саму плоть. Режут её себе и друг другу почём зря.

– И женщинам? – поразился Иван.

– Как видишь, и женщинам тоже.

– Но, если так, – глубокомысленно отметил урядник, – получается, чтобы иметь общину, им нужно вербовать туда всегда новых членов, поскольку сами они не могут иметь детей, как те же хлысты, например.

– Они и вербуют, Ваня, – мрачно подтвердил догадку урядника пристав. – Они и вербуют, и мы теперь получили эту проблему в нашем городе.

– Однако, осмелюсь заметить, что женщины не теряют детородной функции, при этой, хм, так сказать, операции, – заметил аптекарь.

– Постойте, – продолжал удивляться Иван, – я понимаю, что в мире полно сумасшедших, но кто же захочет, нет, кто позволит совершить такое с собой?!

– Есть такие, и, насколько я знаю, их немало, – сказал пристав.

– Но как?

– Как? Кого обманом, кого подкупом. Подпоили, пообещали... сделали. А назад то пути уже нет.

– Господи! – побледнел Иван.

– Вот-вот, ты сам говоришь: «сумасшедших много», а потом эти новообращенные уже сами ищут новых. Так они и распространяются.

Трегубов, Столбов и Филимонов погрузились в тягостное молчание, которое через минуту нарушил пристав.

– А что по поводу самого убийства скажешь?

– Ничего необычного, – пожал тощими плечами аптекарь. – Орудие убийства – нож. Раны многочисленны. Они и потеря крови – и есть причина смерти. Думаю, что это они не сами себя. Самоубийство и убийство друг друга исключены. По крайней мере, в спину себя трудно пырнуть несколько раз, тем более, оставить там нож.

– Убийца мужчина? – спросил пристав.

– С большой вероятностью. Так вогнать нож в лопаточную кость – нужна сила, – согласился Филимонов, – хотя, если женщину разозлить, то она тоже на многое способна. Но, думаю, что всё же это сделал мужчина. Преднамеренно и жестоко.

– Почему?

– Достаточно было бы пару раз, а тут столько ран! Ну и убить двоих, тем более, когда, как мне сказали, одна жертва пыталась уползти, – аптекарь снова пожал плечами.

– Что ещё?

– Когда они ко мне попали, трупы уже окоченели, значит, убиты достаточно давно – день или два. Ах да, нож вот я принёс, самодельный.

– Да, мы уже знаем. Если это всё, то спасибо.

– Всё, – снова пожал плечами Филимонов. – Могу идти?

– Да. Пришли только отчёт, не забудь, как в прошлый раз.

– Хорошо, – поморщившись, ответил Филимонов, попрощался и ушёл.

– Что думаешь? – Столбов повернулся к Трегубову.

– Убийца из низших слоев общества, – сказал Иван. – Думаю, купить нормальный нож себе многие могут позволить, а с этим, – Трегубов кивнул в сторону ножа, который вертел в руках пристав, – идти на запланированное убийство... Не знаю...

– Оно, может быть, было и не запланировано. Безжалостно исполнено, это да. Возможно, убийца решился на это уже в доме, по обстоятельствам. Тем более, похоже, что жертвы его знали.

– Не могли ли они быть сподвижниками? – предположил Иван. – Женщины что-то нарушили из обычаев общины или хотели что-то рассказать о членовредительстве, например.

– Или кто из мести их жизни лишил, – продолжил пристав. – Вариантов много, но, конечно, здесь, в первую очередь, напрашиваются версии, связанные с деятельностью их секты.

– Что за люди! – осуждающе покачал головой Иван.

– Люди как люди, – вздохнув, ответил пристав, – поначалу все же одинаковые. В каждом есть и плохое, и хорошее. Главное, что из этого ты растишь внутри себя, а затем выпускаешь наружу. Взять этих сестёр: мы же не знаем, кто они. Может, они склоняли людей к вступлению в секту, а, может, и наоборот – сами жертвы общины. Мы пока этого не знаем, поэтому рано судить. С этим и надо будет разобраться.

– Не представляю, как за это взяться. С какой стороны?

– Нужно будет найти членов их секты и всех опросить. Когда соберешь достаточно информации, ты сам поймешь, что нужно делать дальше, в какую сторону двигаться. И обрати внимание на предположение, что нож может быть сделан из рессоры. Может кто-то из сектантов кареты ремонтирует.

Трегубов внутренне содрогнулся, представляя себе опросы сектантов, режущих друг другу детородные органы.

– Да, кстати, – спохватился пристав, – раз уж я тебя перевел работать в город, давай, займись одним деликатным делом. Ты у нас человек образованный, с хорошими манерами. Тут только такой и нужен.

– Что Вы имеете ввиду, Илья Петрович?

Столбов тем временем копался в кипе бумаг, сваленных на краю стола, перебирая их быстро, но аккуратно, чтобы бумаги не посыпались на пол.

– Где же оно? – бормотал Столбов. – Давно пора навести порядок, отобрать старое и ненужное, но времени не хватает.

– Попросите Белошейкина.

– И то правда, пусть отсортирует. Ага, вот оно! Пришло письмо из Москвы. Запрос от жандармов. Помнишь, они у нас аресты народовольцев провели?

– Конечно, помню, – по спине Трегубова пробежал тревожный холодок.

– Так вот, – продолжал пристав, просматривая найденное письмо. – Они провели допрос арестованных террористов, и один из них на допросе признался, что у них был сообщник из местных. То есть наш туляк.

– И как его зовут, известно? – замогильным голосом спросил Иван.

– Конечно, известно: Николай Канарейкин, сын уважаемого в нашем городе купца Канарейкина. Здесь то ты и нужен. Люди в городе известные и не простые, нужен мягкий и аккуратный подход. Кто знает, правда это или оболгал его преступник.

– Правда, – ответил собравшийся с духом урядник. Он понял, что дальнейшая ложь заведет их в ещё больший тупик. Помимо прочего, он не мог врать в таком деле своему наставнику, не мог подвести его.

– Как так? – опешил Столбов, удивленно таращась на Ивана.

– А вот так. Коля – наш с Михаилом Торотынским одноклассник по гимназии, – вывалил молодой полицейский, ошарашенному приставу, – связался не с теми людьми. Но он не сделал ничего плохого, только разговоры разговаривал. Мы с Мишей, как выпустили нас из тюремного замка, ему всё объяснили, и он понял. Он понял и отказался от участия в их планах и делах. Сам отказался.

– Так, – выдохнул, вставая пристав. – Значит, только разговоры разговаривал. А ты, стало быть, знал и ничего не сказал мне? А ну бы его ещё тогда арестовали и вместе с тобой? Снова в тюрьму! А меня бы спросили, кого это я на работу в полицию набираю!

Иван опустил голову, ему нечего было сказать в своё оправдание.

– И что мне, скажи на милость, теперь делать? – продолжал пыхтеть Столбов, нависнув грузным телом над сидящим урядником.

– Это всё моя вина, я готов понести ответственность. Готов уйти в отставку.

– Уйти в отставку?! – ещё больше взбеленился пристав. – Посмотрите, каков! Получил в наследство имение и уже в отставку. Так?

– Нет, не так, – Иван встал со стула и посмотрел в глаза приставу, – я хочу остаться в полиции, хочу служить, а не заниматься сельским хозяйством. И я не просил и не ждал, что у меня вдруг появится какое-то наследство. А что касается Николая: что мне было делать? Арестовать своего друга? За что? Он ничего не сделал, только доверился мне и рассказал о своих взглядах! Как другу!

Столбов слушал Трегубова и постепенно остывал.

– Ты мог прийти ко мне и всё рассказать, и мы что-то придумали бы. Не отдали бы жандармам твоего Николая. А сейчас что прикажешь мне делать? Солгать, совершить должностное преступление или все-таки арестовать твоего Канарейкина? Вдруг он что-то знает?

– Ничего он не знает. Дурак наивный, вот и всё.

– Ага, а как это проверить? – буркнул Столбов, снова усаживаясь на кресло. – Садись, не маячь!

Пристав замолчал и задумался, не глядя на Ивана. Спустя пару минут он что-то решил.

– Хорошо, я подумаю, как сделать так, чтобы твой друг не пострадал. Я тебе верю, что он ни при чём. Ещё я не поддерживаю нынешнюю моду наказывать за мысли, – проговорил пристав. – Каждый волен мыслить свободно, а судить надобно уже только за поступки.

– Спасибо, Илья Петрович, – поблагодарил Иван, снова вскакивая на ноги.

– погоди благодарить, садись. За то что скрыл от меня информацию, поручаю тебе дело, которое будешь вести в свободное от расследования убийства сестёр время. У меня сейчас нет времени, а заниматься им нужно. Думаю, не моё это – бумажная работа и волокита.

– Какое дело? – спросил Иван, снова усаживаясь.

– Поедешь к помещику Минину, всех опросишь. У него конь пропал из конюшни. Чтобы ни одной детали не упустил! Потом доложишь мне лично обо всех обстоятельствах. И отнесись к делу ответственно. Меня сам глава дворянского собрания попросил.

– Хорошо, Илья Петрович. Будет сделано.

– Что там у тебя ещё сейчас?

– Паровой колпак с паровоза сняли на вокзале.

– Обратись к Семёнову, он тебе с этим поможет. Всё, иди давай. С глаз долой. Нужно работать.

4.

В воскресенье Трегубов с утра отправился в имение помещика, у которого пропал конь. Конечно, Ивану было бы чем себя занять в выходной день, но он не мог отказать Столбову. Причём, всё, что от него требовалось – это снять показания. Поэтому он совсем не нервничал. Настроение у Ивана было хорошее, чему способствовал солнечный день, но главное то, что пристав брался решить проблемы Николая. Трегубов доверял своему начальнику, а с учетом того, что тот всегда доводил дело до конца и всегда делал то, что обещал, то Иван успокоился за Канарейкина.

Листья уже начала желтеть, так что за городом было красиво и свежо. Конный урядник тульской полиции полностью отдался ощущениям уходящего лета и, сохранив приподнятое настроение, добрался до нужного ему имения, лишь один раз справившись по пути о направлении дороги туда.

В главный господский дом вела широкая аллея с двумя рядами деревьев, высаженных по её краям. Сам двухэтажный дом с балконом и колоннадой выглядел живописно в окружении ухоженных и стриженных кустов английского сада. Картинка радовала глаз цветами, хотя, быть может, основной причиной было хорошее настроение Ивана.

Вокруг дома на некотором от него расстоянии были раскиданы деревянные постройки, одной из которых, очевидно, и была конюшня.

У крыльца урядник спешил и дождался, пока из дома к нему вышел худощавый господин в потрёпанном времени тёмно-зеленом кафтане.

– Мне нужен Дмитрий Львович, – после приветствия пояснил урядник.

– Хозяин отсутствуют сегодня, – ответил худощавый господин. – Но он предупредил меня, что может приехать полиция.

Иван, по обыкновению, был в мундире, поскольку старая гражданская одежда износилась, а новый костюм он только недавно заказал на пошив.

– А Вы, милостивый государь...

– Я Иван Фёдорович, поставлен Дмитрием Львовичем смотреть за хозяйством, – пояснил господин в кафтане.

– Вот как, значит, мы тезки. Я – Иван Иванович, – Трегубов улыбнулся, чтобы расположить к себе управляющего, но тот остался отстранённым и нарочито официальным.

– Пойдёмте, Иван Иванович, я проведу Вас к конюшне, там и коня своего сможете поставить.

– Хорошо, но, возможно, Вы поясните мне суть происшествия? – попросил Иван.

– А Вы разве не в курсе? – удивился Иван Фёдорович.

– Только в общих чертах. Мне сказали, что был украден очень дорогой конь.

– Не украден, а пропал. Дорогой? Можно сказать и так, – ответил управляющий уряднику, – однако дело не только в деньгах.

– А в чём же ещё?

– Дело в том, что это Буцефал.

– Это имя пропавшего коня? – уточнил Иван.

– Совершенно верно, – согласился управляющий.

– Как знаменитый конь Александра Македонского?

– Совершенно верно, – неодобрительным тоном, по причине того, что его снова перебили, ответил Иван Фёдорович. – Так вот, Буцефал был заявлен на скачки на следующей неделе, а Дмитрий Львович, который известен в определённых кругах, пригласил многих знатоков, чтобы, так сказать, они оценили его приобретение.

– Похвастаться, – подытожил Трегубов под неодобрительный взгляд собеседника, – а приобретения нет.

– Вы совершенно правильно заметили, – холодно подтвердил управляющий, – коня нет, и вышел досадный конфуз для Дмитрия Львовича.

– Он уже снял коня со скачек?

– Пока нет, но, очевидно, это придётся сделать, хотя в некотором смысле уже поздно.

– В каком смысле «поздно»?

– Некоторые приглашенные друзья и знакомые Дмитрия Львовича уже прибыли.

– В Тулу?

– А куда же ещё! – воскликнул управляющий, поразившись отсутствию сообразительности в приехавшем полицейском. – Скачки эти – событие масштабное! Были приглашены гости из Москвы и из столицы, поскольку Дмитрий Львович – а он большой знаток в этом деле – считал, что Буцефал мог бы победить в этих скачках.

– Вот как! Значит, вор знал, что красть! – воскликнул Иван. – Конь, должно быть, действительно, дорогой.

– Если он был, этот вор.

– Что Вы хотите этим сказать, Иван Фёдорович?

– Конь не был украден.

– Как так? Вы же только что мне это сказали? – переспросил удивленный таким заявлением урядник.

– Вы невнимательно слушали, молодой человек. Мы говорили о том, что конь пропал.

– Извините, но я не понимаю: в чём разница?

– Разница в том, что Буцефал просто исчез из конюшни неведомым образом среди бела дня.

– То есть, Вы имеете ввиду, как бы испарился внезапно? – переспросил Трегубов управляющего.

– Совершенно верно. Был, а потом раз – и нет. Таинственная история, скажу я Вам. По силам ли она полиции? – управляющий бросил оценивающий взгляд на собеседника. А вот и конюшня.

Конюшней был небольшой сруб, одной из стен которого были двустворчатые ворота на деревянном засове, который сейчас снимал Иван Фёдорович. Окна сруба были меньше обычного и располагались выше, чем в жилых домах.

– Сколько здесь коней? – спросил Иван.

– Сейчас один, – ответил управляющий, – но бывает пять или шесть. Всего помещается до восьми лошадей одновременно, – ответил Иван Фёдорович и отворил ворота.

Трегубов вошёл внутрь, ведя на поводу своего коня и осматриваясь по сторонам. Ничего необычного он не заметил. Освещение было не очень хорошим, пол был весь в грязной соломе, и вообще конюшня не выглядела чисто и аккуратно. На одной стене висела разнообразная упряжь, в дальнем углу стоял серый жеребец.

– Что это за конь? – спросил Иван.

– Это жеребец Неутомимый.

– Он тоже участвует в скачках?

– Да, но пока ничего не выиграл.

– А на Буцефала, стало быть, хозяин возлагал надежды?

– Совершенно верно.

– Я правильно Вас понял: Буцефал у вас недавно, и он ещё не принимал участия в скачках?

– Правильно, – ответил управляющий, – недавно. Фёдор Александрович Свечин отдал этого коня Дмитрию Львовичу. Сам Фёдор Александрович больше охотой и литературой увлекаются, чем скачками.

– Так Вы мне расскажете, что произошло в тот день?

– Утром Сенька тренировался с Буцефалом в Туле на ипподроме.

– Сенька – это кто? Извините, что перебиваю, – спросил Трегубов.

– Семён Смирнов, жокей Дмитрия Львовича, он же – главный конюх.

– Так, значит, с утра они были на ипподроме в Туле. Дальше продолжайте, пожалуйста.

– А что продолжать? Днём он поставил коня в конюшню, а потом тот исчез, – внезапно управляющий перекрестился. – Вот и вся история.

– И что, никто не видел посторонних?

– Я же Вам в который раз говорю, молодой человек, – укоризненно обратился к уряднику управляющий. – Конь исчез из закрытой конюшни.

– Но почему Вы так уверены в этом?

– Анна Ильинична, матушка Дмитрия Львовича, сидела с книжкой вот здесь, напротив ворот конюшни.

Трегубов посмотрел в указанном направлении. В десяти метрах спинкой к кустам стояла небольшая и с виду удобная деревянная скамья.

– Они любят здесь посидеть в тёплый день.

– Она так и была здесь всё время? – спросил Иван.

– С момента, как Сенька вернулся, до момента, как он обнаружил пропажу.

Не заметить с расстояния в десять метров, что кто-то открывает ворота и выводит лошадь невозможно, даже если читаешь увлекательную историю. Иван привязал лошадь и начал обследовать конюшню. Пол был цельный. Он прощупал каждый сантиметр стен, но потайных ворот не обнаружил. Иван обследовал окна, через которые даже человеку было бы затруднительно вылезти, а конь бы просто не прошёл по размеру. Урядник был обескуражен. Он только перепачкался грязью и сажей, но ничего проливающего свет на исчезновение жеребца не нашёл. Он подошёл к управляющему.

– Иван Фёдорович, а матушка Дмитрия Львовича, она, часом, не дремала в тот день?

– Нет. Она не имеет обыкновения это делать на улице. Кроме того,

Кирюша равнял площадку вон там. И тоже не видел, чтобы кто-то уводил коня.

– Кирюша?

– Помощник Семёна, отрок.

Иван прошёл на утрамбованное и присыпанное песком поле, расположенное метрах в ста от конюшни. Он обернулся. Конюшня и пространство вокруг неё отлично просматривалось. Урядник вернулся к управляющему, который ждал его у ворот конюшни.

– Пора мне поговорить с Семёном, – сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.